

Вероника

ШЕЛЕНБЕРГ

*

Вот только наладится радость,
откроется вдаль дорога...

Гуляешь, БГ насвистывая,
и голову не печёт...

Какая-нибудь ерундовина:
заноза, мозоль, изжога,
звонок от судебного пристава,
в яблоке червячок.

И это как раз таки здорово!
В масштабах страны — замечательно:
крючки реальности ржавые,
якорные пуды.

Иначе душа, окрылённая
радостью окончательно
взлетит, да ещё разжалобит
инстанции и суды.

*

Трое в робах,
трое суровых, плечистых,
обычных таких работяг
обычное начали дело:
отбивать жеребят от кобыл,
но — кобылам не объяснишь!

Трое в робах — голицы за пазухой —
взяли хлысты, хворостины...
Обычное дело!
Врубились в табун...

Вороное-гнедое-каурое море
расступилось, дрожа,
обнажая изрытый,
унавоженный снег.
Завизжала собака, спасаясь от бешеных ног.
Свист хлыста, крепкий мат,
перекатно-истощное ржание...

Обычное дело —
отбивать жеребят от кобыл,
но кобылам не объяснишь!
Защищают детёнышей, скачут, петляют, лягаются,
и норовят укусить.
Опасное дело —
отбивать жеребят!

Жеребята
большеголовые, гривы в репье,
ныряют под материнское брюхо,
мечутся
мальками на мелководье,
только хвостики мелко дрожат...

Всё смешалось, как будто в бою —
кони, люди, февральское колкое солнце.

Трое в робах —
умелье мужики!
Молодняк отогнали в загон и жердями закрыли,
а табун — увели.

Закурили. Обычное дело!

Но — кобылам не объяснишь.

**И одна с дальних пастбищ таки прибежала,
и ржала,
и влажную, теплую морду тянула
к своему жеребёнку...**

**Плач грудной лошадиный надсадный
с тоской подхватила собака.**

**Трое в робах,
отогревая у печки
наждачно-кирпичные руки,
переглянулись: «а, чтоб тебя! Надо поймать!»**

**А жеребец вороной
заслоняя луну, фыркал весело —
это обычное дело!
Просто время пришло повзрослеть.
Оторваться
от материнского молока...
Просто время пришло вырастать
скакунами горячими, вольными...
Но — кобылам не объяснишь!**

*

**После высокогорья
снова горяч июль.
Ласковая Катунь. Песочек. Полуденный сон,
детства забытый фрагмент:**

**...воробьяха свила на балконе гнездо.
Бабушка говорит: "Не трогайте птенчиков!"
А мы, любопытные, в руки берём.
Удивляемся, как это желторотики
так громко пищат!
Воробьяха вокруг суетится.
Бабушка отбирает птенцов —
вот непослушные дети!
И возвращает обратно.**

**Солнца косые лучи полосатят балкон,
белую герань золотят...
Теперь там другие цветы и другие жильцы.**

А бабушка...

**Бабушка знает наверняка,
кто же присматривает за мной,
забирает из цепких рук,
заботливо возвращает в гнездо,
пока я на самом деле
не научилась
летать...**

*

**Я не пью, не курю, не делаю селфи,
в моём телефоне нет интернета.
Мой попутчик отстал, он, конечно, не сдрейфил,
это я стремлюсь на край географии где-то
за Тюнгуром...
а дальше дороги нет.**

**Здесь моя тишина, дыхание, сила,
никакого пиликанья у изголовья.
Обступила осенняя тайга, одарила,
побелела, как печка в моём зимовье
за Тюнгуром...
обратной дороги нет.**

**Здесь непьющий напарник табунщику нужен.
От коня моего пар валит серебристый, —
догоняй молодняк заблудившийся, ну же!
Перевалы под снегом скрываются быстро
за Тюнгуром...
не взяли бы волки след.**

**Хорошо, что поймут меня единицы,
заповедных зимовий на всех не хватит!
Мой попутчик отстал, но ему будут сниться
белогривые горы,
непокорные кони,
просто чистые реки...
всё то, чего ради
за Тюнгуром
сетей на меня больше нет.**

У мольберта — маюсь,
 кисточку нервно грызу,
 разбавителя гадостный привкус
 усиливает досаду:
 зарубила этюд!
 Я — мясник.
 Руки по локоть в ультрамарине —
 в крови
 благородной моей
 живописи.
 ...а всё так хорошо начиналось!
 И вот — корявые тубики судорожно
 цепляются за
 край мифической плоской Земли —
 палитры.
 Поздно!
 Доказано:
 Земля — круглая,
 реальность — в 3D-формате,
 и везде — обалденная графика,
 а живопись — миф!
 Живопись — пережиток, архаика, древность,
 прореха на миропорядке,
 свищ вопиющий, просвет
 куда-то в забытую,
 первобытную душу,
 в самую ультрамариновую глубину...

О! Тот, кто слезой озарения
 мёртвую краску хоть раз оживить не пытался —
 ничего не знает о муках творчества...

Марат оборачивается:
 «Какое сегодня число?»
 «Двадцатое».
 «Ай, на вчера
 опять обещали конец света, и где?
 У нас всё спокойно. Кедровка летит, желтеет гора,
 таймень идёт!
 И никакой кометы со звездой смерти в хвосте».

Марат усмехается:
 «К нам, на Алтай, народ так и прёт —
 спасаться!
 То календарь закончится майя, то другая напасть.
 А сколько сюда понаехало в двухтысячный год...
 Но, буде живы, сбежали...»
Марат замолкает, ладит рыбацкую снасть —
 таймень идёт!
 Вот настоящая страсть.

Щурился на сияющую Катунь,
 выбирая наживку, бормочет:
 «Потоп, потоп...
 городские... За любые деньги хотят
 отсидеться в тайге. А потопа-то нет!»
 «И что потом?»
 «А ничего. Я купил племенных жеребят.

Помню, в одиннадцатом году одна аж рыдала —
 пристройте старушку-мать!
 Вот до чего людей зомбоящики довели...
 Мне надо бы сено косить,
 править заборы, картошку копать,
 но — таймень поднялся, таймень идёт,
 хоть руками бери!»

Марат забрасывает, рассекая бирюзовый поток.
 Неподвижен солнечный, осенний,
 постапокалиптический день.
 А на другом берегу Катунь
 божественный замер Ульгень
 с удочкой золотой... Надо бы насыпать потоп,
 двигать горами, кометы кидать, но —
 идёт таймень!

ХАН АЛТАЙ

Сизобрюхая туча —
а только что белым туманом была —
устремляется вниз.
Конь мой конь,
белым был, стал от пота солёного
пепельно-сиз.

Конь мой конь,
подо мной разъярился,
и скифская кровь пробудилась во мне.
Это скифская кровь
заставляет галопом лететь за грозой,
с грозой наравне,

обгоняя брюхатую тучу,
вот-вот разродится она,
грохоча!

А навстречу текут табуны,
то гнедая мелькает,
а то — вороняя свеча.

От раскатного ржания, топота,
звона полынной земли
сердце радо, оно
скифской кровью омыто...
горячею, вольною силой полно!
Это предки мои,
соразмерно горам, обступили,
коня подхлестнули —
взлетай!
Это хан мой — Алтай!

Это я
вижу, — сокол-охотник упал,
и с добычею взмыл —
добрый знак!
Суслик пискнул,
в когтях повисая, забился, бедняга,
обмяк.

Мимо, мимо...
скачу, прирастая к седлу,
возвращаюсь обратно,
в свои времена!
Мне сегодня
мои соплеменники-скифы
придумали
стремена!

Ночью...
бились на скулах моих
блики танца ритмичного,
краски живого костра.
Ночью...
жаркая бронза стрелы застывала,
остра...

Щекотало дымком...
кочевое житьё моё длилось, мерцало, цвело...
За такие далекие горы навек увело!

И на полном скаку
я зубами узду удержу,
и рука обнаружит натянутый лук,
и стрела затрепещет —
взлетай...
Мой единственный встретил меня —
хан Алтай!

*

Полвагона — вахтовики из Якутии, хоть не дыши,
махровый такой таджикский клан.
В Барабинске перронные торгаши
выполнили месячный план.

В таджикских глазах — осоловелая праздность,
на футболках — нефтяная слеза голуба,
надпись: «прежде всего — безопасность».
Проводница
уже
груба.

Суёт открытки, нарисованные детьми-инвалидами
(кстати, с красивыми видами),
заставляет купить, а иначе
вызовет за распитие
наряд на место прибытия.
И — нету сдачи!

Самый вменяемый вахтовик открыточку вертит,
интересуется, — куда клеить марки,
не лучше ли посылать в конверте...
Берёт все. На всех. На подарки.

Разглядывает пейзажи: берёзки, да синие дали...
И вдруг: «Такую страну просрали!»
Высказался. Отодвинул пустой стакан.
И увёл свои полвагона в вагон-ресторан.

*

Ближе к ночи всё такое
мимолётно-золотое,
ветер болен хромотою,
век мой списан за долги...

Сердце стиснуто печалью,
губы солоны молчаньем,
некому сказать: «Останься!»
мне остаться помощи...

Прежней — ласковой и милой,
возле жаркого камина,
возле твоего камина
сон глубинный твой беречь.

Просто ворошить поленья,
словно есть ещё мгновенья
не в сырую ночь забвенья,
а с тобою рядом лечь».

*

Женщина уходит — отпусти.
Есть ли, нет за что — а ты прости.
Кто сказал — невидимая нить?
Этой связи, святости, вины,
вязкой наговоренной слюны,
резко перетянутой струны
разорвав, нельзя соединить,
запаять у ангела в горсти...
Женщина уходит — отпусти!

Женщина уходит неспроста.
Может быть она была не та?
Ты не тот... не тот напел мотив...
Кто сказал — держи, не отпускай?
Грай вороний, злой собачий лай...
Отпусти, и счастья пожелай!
Ты ещё увидишь, отпустив,
как играет ею пустота...
Женщина взлетает — от винта!

Женщина играет на трубе,
флейте, скрипке, на чужой судьбе
где-то чёрте где, но, боже мой,
кто сказал — любимых бывших нет?
Свищет поезд, меркнет белый свет,
тормозат за плечи безответ...
но в последний миг, пока живой,
боль твоей любви она поймёт...
Не заплачет, что ты... заревёт...

*

Дом на берегу.
Тропинка во ржи.
Оглянусь на бегу —
золотое марево лжи.

Скорей, скорей в этот дом,
окнами на восток!
Выше — зелёный дол,
ниже — туманный лог.

**Ивушка-сирота.
Быстро-то как — снег!
Одной велит коротать
ночь. Век.**

**Зима ли это? Тюрьма?
Засовы. Ставни. Ремни.
Не позову сама —
сам приди, отомкни**

**то, что я берегу
для тебя одного:
дом на берегу,
сердца дар — моего.**

К ВОПРОСУ ОБ ИРОНИЧНОЙ ПОЭЗИИ

Эту маску иронии с мясом давно содрала я.
Исцеляюсь простым подорожником, яростным лаем
полуночных собак, беспокойно стоящих на страже,
первым снегом и чёрной работой, похлеще дворянжьей.

**О, насколько опасно быть не... просто НЕ ироничным!
С выражением счастья ты пойман, как будто с поличным,
с выражением горя — как будто бы с волчьим билетом.
Безопасней — скрывать, передергивать, — только не это!**

**Под прицелом иронии вжались в холодную стенку
Пеппи Длинный чулок (на разбитую дует коленку),
мишка плюшевый, аист бумажный, тот самый солдатик,
стойкий мой оловянный... на всех даже места не хватит.**

**Тот, кто смотрит в прицел, он подспудно мечтает, однако,
что под маской его все должны угадать (и заплакать!):
душу тонкую, душу ранимую, море доверья...
И строчит пулемёт,**

и летят в темноту

пух и перья.